

приводят к игумену, — они не узнают друг друга. Инок спрашивает игумена о его предшественниках, и так выясняется, что игумен, при котором он был в монастыре, умер 300 лет тому назад. Инок рассказывает, что с ним случилось, и умирает.

В первом варианте этот рассказ переведен точно со всеми указанными выше подробностями. Во втором варианте мы видим другое. Здесь сразу сообщается, что инок был совершенный в добродетелях человек и уже давно размышлял над значением указанного текста. Он усердно молился, чтобы ему открыт был смысл сказанного в нем. Птичка и здесь появляется в церкви, но о ее красоте сказано, что «она к понятию человеческого разума непостижима». Далее передано состояние инока, чего нет в польском тексте: «Инок же zelo птицу удивися и желанием уязвися, хотя разсмотрити красоты того». Птичка приводит монаха не в лес монастырский, как это дано в польском тексте, а на прекрасный луг, покрытый цветами и пречудными деревьями, взлетает на дерево и начинает «чюдно и сладко-песнею» петь. Переводчик-редактор не спешит здесь сообщить, что инок простоял на этом месте триста лет. Он просто говорит, что монах не знал, сколько времени стоит, «токмо радуяся и веселяся птища красоте и оному чудному и цветоносному полю» и думая, что прошло лишь время от литургии до трапезы.

Когда инок возвращается к монастырю, дается его разговор сперва с привратником, потом с игуменом, и только здесь читатель узнает, что со времени ухода инока из монастыря прошло 300 лет:

«И прииде игумен ко вратом нача его вопрошати, кто есть и коего жительства и обители. Старец же нача глаголати: „Аз, отче, в сий день по святей литургии изыдох, и точию малое время вне монастыря пребых, и есмь монастыря сего“. Игумен же рече: „Аз тя не точию zde, ниже такового в окрестных лаврах, ниже в отшельницех когда видех“. Инок рече: „Да ты, отче, он сий отец наш?“, имя рек того, иже при нем бе. И рече игумен: „Ни, чадо! Сий, о нем же глаголеши, прежде многих лет бе. Яко же повествуют книги, триста лет уже мину по смерти его; но мно, яко от бога совосходит о тебе к пользе нашей. Повеждь о себе, кто еси и кая ти прилучишася?“».¹²

Это уже не перевод, а переработка рассказа, причем автор переработки стремится подать материал так, чтобы он произвел, возможно, большее впечатление на читателя (подчеркивается душевное состояние героя, вводится диалог, основной эффект приберегается к концу рассказа).

Возьмем другой рассказ — «О гордости и ярости, иже славнии подручных своих не хотяще имянем звати».

В польском тексте рассказывается о некоем капеллане по имени Стефан, который, вернувшись домой из поездки, кричит слуге: «Иди, дьявол, разуй меня!». На этот призыв явился сам дьявол, — ремни на сапогах капеллана стали развязываться сами с необыкновенной быстротой. Поняв, в чем дело, капеллан прогоняет дьявола, а сапоги остаются до половины не растегнутыми.

Точно так же развивается действие в списках первого типа, причем и здесь героем рассказа является пресвитер. В списках второго типа герой — светский человек; видимо, редактору-переводчику показалось неудобным, что духовное лицо так называет своего слугу. Здесь Стефан — муж жития добродетельного. Он кричит слуге, «гневаяся»: «Пришел, чорт, разуй мя!». Далее действие развивается так: «И егда точию сия изрече, на-

¹² ГБЛ, Муз 5470, л 36, рассказ 35